

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

доктор филологических наук, профессор (г. Орёл)

“ДЕЯТЕЛИ НА ВСЕ РУКИ”

*Я видел Русь расшатанную,
неучёную, неопытную и неискусную,
преданную ученьям злым и коварным,
и устоявшую!*

Н. С. Лесков. “На ножах”

Тургеневское творчество и само имя Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883) были чрезвычайно дороги Николаю Семёновичу Лескову (1831–1895). На протяжении всего своего писательского пути и даже на закате дней он продолжал отстаивать литературное наследие своего старшего знаменитого земляка. Показательно, что в лесковской **“Автобиографической заметке”** (1882–1885?) первым и главным из писательских имён было названо имя Тургенева. Его **“Записки охотника”** Лесков, знавший народ “в самую глубь”, как “самую свою жизнь”¹, признал своего рода “учебником” жизни и литературного мастерства. Об этом “учительном” значении, а также о глубочайшем эмоционально-нравственном воздействии тургеневского цикла свидетельствует следующее лесковское признание: “Когда мне привелось впервые прочесть “Записки охотника” И. С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством. Всё же прочее <...> мне казалось деланным и неверным”.

Тургеневское творчество – глубоко правдивое, не имеющее фальшивых нот, – было своего рода камертоном для Лескова. Более того, по словам сына писателя, Тургенев был для Лескова “литературным богом”. Андрей Николаевич Лесков вспоминал: “Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего дома”². Таким образом, Тургенев и его художественный мир постоянно занимали писательское сознание Лескова, были у него и на слуху, и на устах. Не удивительно, что эту “привязанность” он перенёс на страницы своих книг. Одно из наиболее весомых тому подтверждений – роман **“На ножах”** (1870–1871).

Роман вызвал много толков и споров среди современников Лескова. Некоторые причислили его к “антинигилистическому” роду литературы, определили как роман-памфлет. Другие писали как о “типично бульварном произведении”³. Иные в пылу литературной схватки даже зачислили “На ножах” в разряд “полицейско-эротических” сочинений⁴. Некоторые определили роман как “антибуржуазный”. Прочие осторожно назвали его “полемиическим”.

“На ножах” – прежде всего, религиозно-философское произведение, в основе которого – христианское миропонимание автора. Это особенно наглядно, если рассматривать лесковский роман сквозь призму межтекстовых связей.

“На ножах” Лескова стоит в ряду “общественных романов” Тургенева (“Отцы и дети”), Гончарова (“Обрыв”), Достоевского (“Преступление и наказание”, “Бесы”), отразивших всю остроту религиозно-нравственной, философско-мировоззренческой, социально-политической и литературно-эстетической полемики эпохи. На типологическое сходство “На ножах” с романами “В водовороте” Писемского и “Бесы” Достоевского, созданными в том же 1871 году, указывал сам Лесков: “Все мы трое сбились на одну мысль”. Стержневая мысль, о которой идёт речь, – исследование содержания и современных трансформаций русского нигилизма.

Решение этой ответственной идейно-эстетической задачи для Лескова было невысказано без обращения к опыту Тургенева – “представителя и выразителя умственного и нравственного роста России” – и, прежде всего, к его роману “Отцы и дети”, в центре которого – мощный образ нигилиста – “каланчи” (по образному выражению Д. И. Писарева) Базарова. “Талантливым пером Тургенева обрисован Базаров, произнесено слово “нигилизм”, – подчеркнул Лесков вскоре после выхода “Отцов и детей”. Далее писатель утверждал: “Я знаю, что такое настоящий нигилист”. Ориентируясь на образ “сильного и честного Базарова”, Лесков решительно отъединяет “истинных, настоящих нигилистов” от “нигилиствующих” и признаётся, что ищет “способа отделить настоящих нигилистов от шальных шавок, окричавших себя нигилистами”. Эта “полезная сортировка” была произведена в романе “На ножах”.

Писатель рисует образы не просто “новых”, но уже “новейших” нигилистов-перерожденцев. Они выродились в буржуазных хищников, капиталистов, ростовщиков, мошенников, продажных газетчиков, брачных аферистов, подлецов, предателей, убийц – преступников всякого рода, попирающих человеческие и Божеские установления, не верующих “ни в Бога, ни в духовное начало человека”⁵. Модифицируют они и само наименование своего бывшего радикального направления, теперь именуя самих себя “негилистами”. В основе этого лексического новообразования – слово “гиль” в значении “чепуха, ерунда”. Идейный “вдохновитель” экс-нигилистов Горданов “в длинной речи отменил грубый нигилизм, заявленный некогда Базаровым <...>, а вместо сего провозгласил негилизм – гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что негилистам дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты”.

Так “Отцы и дети” входят в “На ножах” в качестве своеобразного литературного фундамента. Тургеневский роман в деталях знают не только автор, но и его персонажи, которые выступают в том числе и внимательными читателями Тургенева. Композиция образов героев во многом строится через содержание их чтения. Горданов как персонаж-читатель, определяя свою жизненную позицию и способы поведения, “примеряет” на себя литературные образы: “Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежит не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собою довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всём своём убранстве Базаров, Раскольников и Маркушка Волохов, и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумён и слаб – неумён потому, что ссорился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред “богатым телом” женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей”.

В соотносённости со своим героем – читателем романа Тургенева, – Лесков трактует образ и личность Базарова иначе. В статье “Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”” писатель указал: “Тип Базарова многим нравится, многим не нравится. Мне лично он нравится, но я бы позволил себе пожелать ему быть несколько мягче, не мусолить собою без нужды непривычного глаза, не раздражать без дела чужой барабанной перепонки и даже, пожалуй, не замыкать сердца для чувств самых нежных, ибо они не мешают героизму”. Любовь, по мнению Лескова, не только не является признаком “слабости”, но ещё более обогащает героическую личность.

Горданов же, наделённый inferнальными чертами, патологически не способен к любви, “никогда не чувствовал потребности любить”. Сатанинская гордыня – в основе фамилии этого персонажа. “Гордашка” – так уничижительно именуется его прямая и честная героиня романа Катерина Астафьевна Форова.

С точки зрения отцов Церкви, гордость – корень всех грехов и пороков. Преподобный Максим Исповедник именует самолюбие “матерью всех зол”: “Начало всех страстей есть самолюбие, а конец – гордость”⁶. Против “безумной гордости” направлено истовое по духовному накалу и совершенное в художественно-образном выражении Слово 23 “Лествицы” аввы Иоанна Лествичника: “Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человек, матер осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы”⁷.

В бесовском ослеплении Горданов кичится утратой Божественного дара любви как сильной стороной своего характера. “Любовь – это роскошь, которая очень дорого стоит, а я бережлив и расчётлив”, – цинично заявляет он, смешивая в этом высказывании “Божие” и “кесарево”.

Глава, приоткрывающая сущность Горданова, называется “Entre chien et loup” – “В сумерках” (по Пушкину: “Пора меж волка и собаки”). Это скрытый, маскирующийся, “сумеречный” тип хищника, удел которого – тьма, адская “бездна”, призывающая “бездну”.

Его смерть в конце романа содержит реминисценцию из “Отцов и детей”. Как Базаров умирает от заражения, полученного от случайного пореза пальца при анатомировании, так Горданов – от укола стилетом в ладонь, что приводит к ампутации руки. В то же время смерть ярко высвечивает принципиальную “разность” этих человеческих типов.

Базаровская роковая неосторожность была вызвана погружённостью героя в раздумья о неразделённой любви, которая захватила всё его существо; о силе судьбы и ничтожности земной жизни перед лицом вечности. Таким образом, смерть Базарова приобретает высокий трагический характер.

Горданов же поранил руку во время предумышленного убийства Бодростина, которое стало конечной целью запутанной сети хитросплетений и интриг. Гордановское свидетельское показание “опять всё наново переплетало и путало”, и в итоге он сам стал жертвой преступных козней и происков: был предательски-позорно отравлен сообщниками. Так проекция на финал “Отцов и детей” позволяет резко отграничить героический и трагический образ нигилиста Базарова от преступника – “негилиста” Горданова.

С образом Базарова входят в роман “На ножах” и его последователи – “базаровцы”, как называет их Лесков. По большей части они видоизменились в “гордановцев” и вполне отвечают характеристике, данной писателем в его статье, указанной выше: это “грубая, ошалелая и грязная в душе толпа пустых ничтожных людишек, искаживших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма”. Им негде взять “базаровских знаний, базаровской воли, характера и силы”. “Нигилиствующие” только внешне пытались копировать Базарова, не умея и не желая “дорасти” до сокровенной – героически-беззаветной и трагической – сути этого типа. Гражданское мученичество, готовность к самопожертвованию – то, что Лесков обозначил как “власяницу и вериги нигилизма”, – были отринуты ради “нынешнего спокойного, просторного и тёплого мундира”. Горданову “нетрудно было доказать, что нигилизм стал смешон, что грубостью и сорванчеством ничего не возьмёшь; что похвальба силой остаётся лишь похвальбой, а на деле бедные новаторы, кроме нужды и страданий, не видят ничего, между тем как сила, очевидно, слагается в других руках. <...> Все, желавшие снять с себя власяницу и вериги нигилизма, были за Горданова, и с их поддержкой Павел Николаевич доказал, что поведение отживших свой век нигилистов не годится никуда и ведёт к гибели”.

“Гордановцы” предательски отреклись от “истинных нигилистов” – “гражданских мучеников и страдальцев”: “Таких страдальцев в эту пору было очень много, все они были не устроены и все они тяжко нуждались во всякой помощи, – они первые были признаны за гиль, и о них никто не заботился”.

В то же время сами экс-нигилисты с успехом мимикрируют и приспосабливаются к буржуазному устройству, органически с ним сливаясь: “Вот один – уже заметное лицо на государственной службе; другой – капиталист; третий – известный благотворитель, живущий припеваючи за счёт филантропических обществ; четвёртый – спирт <...>; пятый – концессионер, наживающийся на казённый счёт; шестой – адвокат <...>; седьмой литераторствует и одною

рукою пишет панегирики власти, а другую – порицает её”. Лесков обозначил самые разнообразные типы продажных, беспринципных буржуазных дельцов – “деятелей на все руки”. Показательна в этом плане самохарактеристика “межеумка” Висленёва, стоявшего когда-то во главе “студенческой партии”: “все мы стали плуты”.

В связи с этим снова возникает аллюзия на роман “Отцы и дети”, где в знаменитой сцене идеологической “схватки” Базарова и Павла Петровича Кирсанова шёл спор о “принципах”. Замышляя убийство, Горданов в беседе с Глафирой заявляет, что хочет говорить “совсем не о чувствах, а...” Она резко прерывает: “О принципах... Ах, пощади и себя, и меня от этого шарлатанства! Оставим это донашивать нашим горничным и лакеям”. С неотвязным вопросом о “принципах” приступает к Горданову “суетливый и суетный” Висленёв: “Какому же ты теперь принципу служишь, так ты и не ответишь. <...> какой у нас теперь принцип? Его нет?”. “Мы отрицаем отрицание”, – следует витиеватый ответ.

В действительности употребляются другие – абсолютно неприкрытые, бесстыдные – установки на ограбление и развращение: “Приехав сюда из Питера, надо устремлять силы не на то, чтобы кого-нибудь развивать, а на то, чтобы кого-нибудь... обирать”. В том же ряду – откровенно хищнические предписания: “Всяк сам для себя, и тогда вы одолеете мир”; “В жизни каждый ворует для себя. Борьба за существование!”

Теория “дарвинизма”, применённая к человеческим отношениям, разрушает человека как “храм Божий” и формирует “человека-зверя”: “Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропускайте то, что плывёт в руки”; “Глотай других, чтобы тебя не проглотили”. Как следствие – морально-нравственная порча и духовная деградация, свиное поприще образа Божьего в человеке, от чего предостерегал Господь в Нагорной проповеди: “Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас” (Мф. 7:6).

Слепая “вера в естественные науки” обернулась неизбежной ограниченностью и узостью взглядов. Такова “скорбная головой девица” Анна Скокова или Вансок – честная, прямолинейная, “рьяная”, из разряда “древнего нигилистического благочестия”. Изображая эту “староверку” “истинного нигилизма”, Лесков прибегает к самоцитации, используя название своего очерка о раскольниках **“С людьми древлего благочестия”** (1863). Вансок по-детски растеряна перед жестокими реалиями жизни: “Я прежде работала над Боклем, демонстрировала над лягушкой, а теперь... я ничего другого не умею: дайте же мне над кем работать, дайте мне над чем демонстрировать”.

Налицо реминисценция завершения Базаровым знаменитого спора со старшим Кирсановым: “...будем <...> лягушек резать”⁸. Лягушка как непременный объект естественных занятий и опытов нигилистов стала во многом благодаря тургеневскому роману их своеобразным символом. Лесков не обходит вниманием эту символику и атрибутику. Так, “истинный нигилист” из числа людей старой “базаровской” закалки майор Форов носит характерный брелок. Это “тяжёлая, массивная золотая лягушка с изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладком брюшке лягушки мелкою искусною вязью выгравировано: “Нигилисту Форову от Бодростиной”. Дорогая вещь эта находится в видимом противоречии с прочим гардеробом майора”. Для бывшей нигилистки Глафиры Акатовой, ловко вышедшей замуж за богача Михаила Андреевича Бодростина и усвоившей себе истину, что “повесившись, надо мотаться, а оторвавшись – кататься”, как и для прочих “антигероев” романа, “борьба за существование – не то, что борьба за лягушку”.

Воспринимая литературу как художественную реальность, Лесков конструирует некоторые собственные образы, рассчитывая на быстрое “литературное” их узнавание. Так, о принадлежности майора Форова и девицы Вансок к базаровскому типу нигилистов старой закалки свидетельствуют “тургеневские” речевые отражения: “Но вот кто совсем не изменяется, так это Филетёр Иванович! – обратился Висленёв к майору. – Здравствуйте, мой “грубый материал”!” Отзвук-напоминание об “обнажённой красной руке” Базарова, ставшей “приметой” нигилистов-разночинцев, содержится в обращении Горданова к Вансок, когда он пожимает “грязноватую руку девушки”: “Давайте Вашу лапу!”.

В романе “На ножах” имеются и другие формы наличия “тургеневского слова”, а также разнообразные способы его включения в лесковский текст.

Приём косвенного присутствия тургеневской образности обнаруживается в повествовании, раскрывающем предысторию Павла Горданова – внебрачного ребёнка богача Бодростина и московской цыганки. Незаконный сын знатного помещика имел солидное денежное содержание, получил хорошее образование, однако никогда не знал ни родных, ни родного дома, отданный на воспитание сначала акушерке, потом в пансион, а затем в университет. “В жизни его было только одно лишение: Горданов не знал родных ласк и не видал, как цветут его родные липы”, – пишет Лесков.

Образ “родных лип”, несомненно, восходит к Тургеневу. Используемая в тексте лесковского романа без кавычек, эта реминисценция говорит о том, что липы стали восприниматься как устойчивый знак “дворянского гнезда”, отголосок тургеневских романов. Так, в романе “**Рудин**” (1855) Тургенев художественно запечатлел, словно с натуры, свой усадебный сад, который “доходил до самой реки. В нём было много старых липовых аллей, золотистотёмных и душистых, с изумрудными просветами на концах”. Заметим также, что симпатичная автору героиня носит фамилию Липина.

В “**Дворянском гнезде**” (1858) липы растут в саду Калитиных; “тень от близкой липы” падает на Лизу и Лаврецкого в его имении Васильевское.

По всей вероятности, Лесков был наслышан о знаменитых липовых аллеях в виде римской цифры XIX в парке родового имения Тургеневых Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Перифраз “родные липы” в значении родительского дома, домашнего очага Лесков употребил уже в первой своей повести “**Овцебык**” (1862), в её лирико-автобиографических главах: “Я снова очутился под родными липами. Дома в это время не произошло никаких перемен <...> выросло несколько новых липок”.

Воспитание и формирование человека вне семейной атмосферы родного “гнезда” Лесков считает неполноценным, обеднённым, ущербным. По всей вероятности, духовное оскудение, голый рационализм и звериный практицизм Горданова во многом проистекают из этого источника: “Он с отроческой своей поры был всегда занят самыми серьёзными мыслями, при которых нежные чувства не получали места. Горданов рано дошёл до убеждения, что все эти чувства – роскошь, гиль, путы, без которых гораздо легче жить на белом свете, и он жил без них”.

В романе “На ножах” встречаются также непосредственные указания на тургеневские произведения. Герои Лескова апеллируют к тургеневскому творчеству как к серьёзной аргументации. Например, в споре о подлинном и фальшивом Глафира ссылается на эпизодическую героиню Кору, о которой составила “понятие по тургеневскому *“Дыму”*”.

Одним из распространённых способов включения “тургеневского слова” в текст является цитирование – явное или скрытое – собственно автором или его героями, как, например, в следующем эпизоде.

Попав в контору к своему бывшему соратнику по “нигилистической партии” Тихону Кишенскому, Горданов ощутил, как в нём “шевельнулась дворянская гордость пред этим ломанием жидка” с его “невозмутимым, но возмущающим голосом, которым непременно научаются говорить все разбогатевшие евреи”. Не без удивления Горданов обнаруживает, насколько ловко Тишка успел “подковаться на все копыта” – материально обезопасить себя от превратностей жизни. Хозяина раболепно охраняют подобный ему рыжий чубастый лакей и “ещё более решительный рыжий бульдог”.

Мысленно оценивая нынешнее прочное финансовое положение газетчика-ростовщика, “отец которого, по достоверным сведениям, продавал в Одессе янтарные мундштуки”, Горданов прибегает к неточному цитированию тургеневского романа “**Дворянское гнездо**” (1858): “Ему уже нечего будет сокрушаться и говорить: “Здравствуй, беспомощная старость, догорай, бесполезная жизнь”. В эпилоге романа Тургенева читаем: “Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!”

Неточность цитаты объясняется, скорее всего, не пробелами в памяти Горданова, а тем, что жизнь Кишенского нельзя назвать “одиноким”. Он уже успел обзавестись многочисленным потомством, в том числе и от сожительства со своей фавориткой и “деловым партнёром” по кассе ссуд Алинкой Фигуриной. Обокравшая собственного отца, по наглости она вполне под стать своему любовнику. При помощи замысловатых “каторжных сплетений” Кишенский сумел завлечь в свои злокозненные сети бесхитростного до детско-

сти русского дворянина Висленёва, женив его на Алинке и вынудив таким образом прикрыть честной русской фамилией отпрысков блудодеяния. “А имя моё? – запоздало сокрушается Висленёв, запутавшийся в хитросплетениях “ростовщика, процентщика”, – и ведь все знают, а дети, чёрт их возьми, а дети... Они “Висленёвы”, а не жида Кишенские”.

Вопрос вызывает другое: почему элегический эпилог одного из самых одухотворённых романов Тургенева “Дворянское гнездо” используется в ситуации, связанной с тёмным, преступным образом Кишенского?

Тишка Кишенский не только скаредный ростовщик, держатель ссудной кассы, но и продажный газетчик, умудрившийся сотрудничать одновременно в трёх разных изданиях противоположных общественно-политических направлений. Одну из своих пасквильных статей он озаглавил “Деятель на все руки”. Название как нельзя лучше подходит к нему самому и его разнообразной “деятельности”. Этот “ростовщик, революционер и полицейант”, “подлый жид”, как не раз его именуют в романе, нажил свой капитал аферами и предательством, в том числе сотрудничая с полицией в качестве провокатора и шпиона.

Зловещая фигура Кишенского никоим образом не соотносится с благородным образом русского патриота, дворянина Лаврецкого, чьи слова, мысленно произнесённые “хотя с печалью, но без зависти, безо всяких тёмных чувств, в виду конца, в виду ожидающего Бога”, процитировал Горданов.

Очевидно, “Дворянское гнездо”, как и другие произведения Тургенева, после прочтения которых “легко дышится, легко верится, тепло чувствуется”, “ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора”⁹, выступает в подтексте романа Лескова как морально-нравственный противовес злодейскому миру безнравственных и бездуховных людей, преступно уничтоживших в себе Божеское начало.

Таким образом, проекция на тургеневское творчество, цитаты, аллюзии, реминисценции, перифразы, мотивы и образы позволяет реконструировать не только читательский опыт персонажей Лескова, но и выполняют характерологические функции. Соотношения в художественном мире Лескова своего и “тургеневского” слова предоставляют возможность выявить речевую индивидуализацию, психологические особенности героев, выбор ими способа поведения и самого образа жизни. Тургенев и его творчество вплетаются в художественную ткань романа “На ножах” как положительный идеал, позитивный и высокий ориентир, противостоящий низменной морали дельцов нового толка.

О “многослойности” романа “На ножах” свидетельствует ещё один историко-литературный факт. К нему обращает фамилия Кишенский, вокруг которой возникает целое ассоциативное поле. Известно, что в творчестве Лескова, который любил, чтобы “кличка была по шерсти”, сложилась своеобразная концепция заглавий и обоснования имён. Писатель признавал способность имени выразить внутреннюю суть человека.

Лексико-семантический ключ фамилии лесковского персонажа обнаруживается в украинском слове “кишля”, что в переводе означает “карман”. (К слову, в настоящее время на Украине “Велика кишенья” (в дословном переводе – “Большой карман”) – наименование крупнейшей национальной сети розничной торговли и супермаркетов, поглощающей своих конкурентов).

Кроме того, этимология фамилии “жида Тишка Кишенского” уходит корнями в иврит и идиш. “Кишене” на идиш – “карман”. На иврите слово “кис” также означает “карман”. Созвучие с ивритским “кэсэф” – серебро, деньги – не случайно. Дизайнерский атрибут верхней одежды предназначен, в первую очередь, для хранения денег (ср.: “карманные деньги”).

В русской фразеологии “карман” синонимичен слову “кошелёк”. Для сравнения: *держи карман шире*; *тугой карман* (или *тугой кошелёк*, *тугая кошана*) – о наличии у кого-либо больших денег; *тощий (пустой) карман* (или *кошелёк*) – об отсутствии или недостатке денег у кого-либо; *набить карман* (или *мошну*) – разбогатеть, нажиться и т. д.

Делец, купец – “загребущая лапа” – набивает свой карман, свою мошну. Он, по словам Лескова в очерке “Пресыщение знатностью” (1888), “мошной вперёд прёт”. “Мужи кармана”, “прибыльщики” и “компанейщики” – так именовал писатель капиталистов, буржуа, банкиров, ростовщиков. Против их бесстыдных спекуляций Лесков выступал уже в ранней своей публицистике, а также в самом первом своём большом беллетристическом произведении –

повести “**Овцебык**” (1862). Именно здесь впервые появляется образ капиталиста — “мужа кармана” — Александра Ивановича. Главный герой повести — чистый сердцем и помыслами бывший семинарист Василий Богословский — с горечью вынужден признать: “Некуда идти. Везде всё одно. Через Александров Ивановичей не перескочишь”. Впоследствии пессимистическое словообраз “некуда” стало названием нового романа Лескова “**Некуда**” (1863).

Поэтика и символика онима “Кишенский” значением “муж кармана” не очерпывается. Фамилия персонажа, извивающегося в мошеннических махинациях и тёмных интригах, не может не вызвать зрительную ассоциацию с отвратительным клубком кишаших змей. Это впечатление дополняют аллитерации шипящих и свистящих звуков имени и фамилии “Тихон Кишенский”. Звуковые ассоциации, вызываемые именем, также значимы в поэтике писателя. Это подтверждает лесковская публицистика, поднимающая проблему исследования имён. Так, в статье “**О русских именах**” Лесков называет славянские имена “приятными для слуха”¹⁰. Писатель призывает способствовать “отрадному возвращению народного вкуса к именам приятного, родного звука и понятного значения”¹¹.

Таким образом, Лесков чутко различает “своё — чужое” в ономастике. Инородными именами, как правило, наделяются у него отрицательные персонажи, далёкие от Бога, народа и Родины. Так, например, “алюповатые и малоприглядные” нигилисты в романе “**Обойдённые**” (1865) награждены “отменно неблагозвучными нарицаниями — Вырвич и Шпандорчук”¹².

В чужеродной фамилии “Кишенский” также нет ни “родного звука”, ни сразу “понятного значения”; приятной для слуха её также не назовёшь.

Семантика слухового и зрительного образа “кишаших змей” уводит далее к библейской и метафизической образности — змея-искусителя, врага рода человеческого, сатаны. В романе “На ножах” Тишку Кишенского сопровождают признаки inferнальности. Он представлен не просто как “вёрткий фельетонист, шпион, социалист и закладчик” со своими “жидовскими слабостиками”, ведущий “дело по двойной бухгалтерии”. Его тёмные деяния показаны Лесковым как действие адской силы — “незримая подземная работа”, “затемняющая” и “перетемняющая” людей, с которыми он “привык по-жидовски считаться”. Дворянин Висленёв, запутанный в сатанинские тенёта Кишенского, чувствует, что “вокруг него всё нечисто: всё дышит пороком, тленом, ложью и предательством”.

Таким образом, философия имени в романе Лескова намного сложнее, чем может представиться на первый взгляд. Фамилия является иносказанием, функционально-оценочной характеристикой персонажа.

Лесков избегал “плакатных” именовании для своих героев. В то же время его внимание привлекали особенные имена и фамилии. Морфологически и фонетически необычная фамилия “Кишенский” позволяет высказать гипотезу о том, что она не выдумана писателем, а могла быть ему знакома, была у него на слуху.

В те же годы, когда Лесков работал над романом “На ножах”, именами Тургенева с конца 1866 года до середины 1870-х годов управлял Никита Алексеевич Кишинский, о нечестности которого молва распространилась весьма широко. Можно предположить, что Лескову (“в литературе меня считают орловцем”, — неоднократно подчёркивал он), не прерывавшему связей со своей “малой родиной”, были известны эти факты, представляющие не только филологический, но и культурно-исторический интерес. Нечистый на руку управляющий Тургенева, который распорядился таким образом, что буквально разорил писателя, мог послужить одним из реальных прототипов Кишенского в романе “На ножах”.

Из обширной переписки Тургенева с Кишинским явствует, что писатель безраздельно доверял своему управляющему, в котором желал видеть “честного и деятельного человека”¹³ (*деятеля на все руки* — в хорошем смысле). Письмо Тургенева к Кишинскому от 3 (15) апреля 1867 года заканчивается следующим обращением: “Прошу Вас знать одно: я никогда не доверяю вполнину, а Вам я доверяю, а потому не смущайтесь ничем и делайте спокойно своё дело”.

Кишинский действительно “не смущался ничем”, беззастенчиво пользуясь в своекорыстных интересах оказанным ему безграничным доверием, и за время своего управления нанёс всемирно известному русскому писателю

большой материальный ущерб; махинациями приобрёл себе земли и имение Сидоровку.

А. А. Фет, другие друзья и соседи Тургенева по орловскому имению предупреждали писателя о злоупотреблениях Кишинского. Тургенев отвечал Фету из Буживала: “Не сомневаюсь в том, что Кишинский нагревает себе руки”. В то же время писатель долго не мог поверить в нечестность своего управляющего, относя известия об этом в разряд досужих сплетен: “Не можете ли Вы – под рукой, но достоверно – узнать, где и какое он купил имение? – спрашивал Тургенев Фета. – Сплетников, Вы знаете, у нас хоть пруд пруди”.

Даже убедившись вполне, что происки Кишинского не пустые слухи, писатель сохраняет доброжелательное отношение к своему управляющему. С добросердечием, открытостью и доверчивостью Тургенев по-человечески стремится найти оправдание хищению его имущества. В ответ на не дошедшее до нас письмо Кишинского, в котором тот, очевидно, пытался “замести следы”, Тургенев писал: “Сплетни, о которых Вы упоминаете, напрасно Вас тревожат. Вы знаете довольно мой характер: я на такого рода заявления совершенно неподатлив. Я нахожу совершенно естественным и благоразумным, что Вы позаботились о приобретении себе недвижимой собственности, – это Ваш долг как семейного человека. <...> Впрочем, благодарю Вас за Вашу открытость. <...> А потому, повторяю, Вам тревожиться нечего. <...> Фет написал мне о приобретении Вами земли, но я оставил это без ответа”; “Вы можете быть совершенно спокойны насчёт сплетен по поводу забранных Вами материалов <...> Я не имею привычки обращать на них внимания – и, коли доверяюсь, то вполне. Доверие моё к Вам именно такого рода”.

Подобных заверений немало в письмах Тургенева к Кишинскому. Однако вряд ли по ним можно судить о недалёковидности либо житейской непрактичности писателя. Скорее это свидетельствует о благородстве его натуры, о неизменной вере в торжество добрых начал человеческой природы.

В то же время Тургенев начинал догадываться о нечистоплотном ведении его дел Кишинским. Несколько раз писатель просил избавить его капитал от “жидовских процентов”. Справедливо подозревая о махинациях со своим имуществом, писатель вынужден был обратиться к брату Н. С. Тургеневу с просьбой проконтролировать действия управляющего: “Побывай в Спасском или выпиши к себе в Тургенево Кишинского, и пусть он тебе растолкует хорошенько, какую операцию он намерен предпринять <...>, чтобы избежать жидовских процентов Тульского банка. <...> Мне кажется неслыханным, чтобы под залог недвижимого имения безо всякого долга драли такие проценты!”

Адресуясь с тем же вопросом к Кишинскому, Тургенев настойчиво и, по всей видимости, уже не в первый раз – “мне приходится только повторить мою просьбу” – требует: “Изложите мне в подробности, <...> какого рода перезалог Вы хотите предпринять <...> для того, чтобы избавиться от процентов, справедливо названных Вами жидовскими, – и как Вы от них избавитесь – и почему (что для меня особенно неудобопонятно) при закладе недвижимого и хорошего имения в банке приходилось заплатить такие громадные проценты?”

Обращает на себя внимание, что это письмо писатель уже не подписывает “преданный Вам Ив. Тургенев” или “доброжелатель Ваш Ив. Тургенев”, как неизменно на протяжении нескольких лет он заканчивал свои послания Кишинскому. На этот раз он ограничивается только сухой подписью “Ив. Тургенев” без выражения каких-либо уверений и чувств.

Месяц спустя Тургенев, не получив вразумительного ответа от Кишинского, который, по всей видимости, пытался запутыванием дела ввести писателя в заблуждение, скрыть жульничество, снова обращается к управляющему: “Не могу, однако, не заметить, что факт платежа 11 процентов под залог недвижимого, чистого от долгов, отличного имения – <...> мне представляется чем-то чудовищным!! <...> Я брожу, как во тьме, – и знаю только одно: имение моё заложено за какие-то жидовские проценты. Пожалуйста, потрудитесь всё это мне хорошенько растолковать и в исполнение моей просьбы отвечать отдельно на каждый вопрос”.

Однако Кишинский не торопился прояснить ситуацию, и в новом письме к нему снова находим недоумения Тургенева: “Вы на мои запросы не давали прямого ответа”. Всё это не может не вызвать в читательском сознании ассоциации с тёмными финансовыми спекуляциями “жида-ростовщика” Тишки Кишенского в романе Лескова “На ножах”.

Нельзя не изумиться деликатности и человеческой порядочности Тургенева. Даже в “чрезвычайной ситуации”, когда обнаружилось документальные свидетельства против Кишинского, Тургенев всё ещё боится обидеть управляющего несправедливым подозрением, продолжает быть с ним неизменно корректным и сугубо тактичным. Так, изучив приходно-расходные ведомости, красноречиво свидетельствующие об истинном положении дел, писатель адресует к своему управляющему с прежней искренностью: “Я намерен сообщить Вам все соображения, которые были возбуждены во мне эти<ми> ведомостями, в полной уверенности, что Вы не усмотрите в моей откровенности ничего похожего на недоверие или сомнение; сама эта откровенность обусловливается убеждением, что я имею дело с человеком вполне честным, к которому следует относиться с обычной во мне прямою. <...> Выходит, что расход равняется почти приходу – и, можно сказать, что овчинка не стоит выделки. Обо всём этом необходимо нужно основательно потолковать во время моего приезда в Россию <...> Ещё раз повторяю Вам, что Вы не должны видеть ничего для Вас неприятного в откровенных моих объяснениях”.

По приезде Тургенева в Спасское летом 1876 года Кишинский произвёл на него совершенно иное впечатление, чем при знакомстве в Петербурге в марте 1867 года, когда П. В. Анненков порекомендовал Тургеневу нового управляющего. После первой встречи с Кишинским Тургенев писал Полине Виардо: “Он мне нравится – это человек с энергичным открытым лицом, смотрит прямо в глаза”. Теперь от Тургенева не укрылись лицемерие и неискренность управляющего. Впечатление некой поддельности, ненатуральности создаёт сама его внешность: “Бородач Кишинский только потрясает своей бесконечно густой бородой и выставляет фальшивые зубы – от него толку мало”, – пишет Тургенев из Спасского И. И. Маслову.

На месте, в своём “родимом гнезде”, писатель, наконец, смог воочию убедиться в справедливости давно распространявшихся толков о злоупотреблениях и мошенничестве его управляющего. К чести Тургенева, не раздумывая, он обратился к решительным мерам: “Я вынужден произвести завтра в воскресенье своего рода государственный переворот и свергнуть моего Абдул-Азиза, г-на Кишинского, оказавшегося мошенником, которого я поймал с поличным. <...> Если я его ещё оставляю тут, он обернёт меня дочиста”.

В письмах того же периода к П. Ф. Самарину и А. М. Щепкину Тургенев также именует Кишинского “Абдул-Азизом”, сравнивая своего управляющего с турецким султаном, расхищавшим государственную казну. Помимо того, восточное имя, отягощённое такими неприглядными историческими ассоциациями, в контексте среднерусского духовного пространства производит впечатление чего-то постороннего, инородного. “Абдул-Азиз” по сути своей чужероден среднерусской усадьбе, расположенной в самом сердце России, и не способен праведно ею управлять.

Согласно официальной версии, реальный Абдул-Азиз покончил с собой, вскрыв себе вены ножницами. В записке к А. М. Щепкину Тургенев говорит, что ему “удалось свергнуть Абдул-Азиза, не прибегая к ножницам”.

Упоминание об остром, в данном случае – смертоносном, предмете в реально-историческом контексте порождает зеркальную литературную ассоциацию с романом Лескова, герои которого пребывают друг с другом “на ножах”. В частности, о Кишинском сказано, что “долговременная жизнь на ножах отуманила его прозорливость и отучила его от всякой искренности”. Лесковская характеристика литературного персонажа прямо соотносится с реально существовавшим Кишинским, который утратил осторожность и почти в открытую грабил Тургенева. “Надо Вам сказать, – писал Тургенев Ю. П. Вревской, – что я выезжаю из Спасского разорённым человеком, потерявшим более половины своего имущества по милости мерзавца-управляющего, которому я имел глупость слепо довериться; я его прогнал”.

Писатель вынужден был не просто уволить “грабителя Кишинского”, но и выдать официальную доверенность на его уголовное преследование. В этом документе Тургенев устанавливает список преступлений своего управляющего: “оказалось, что г. Кишинский произвёл разные растраты принадлежащих мне сумм и имущества, совершил недобросовестные контракты и вообще допустил злоупотребления и беспорядки, причинившие мне существенный вред и убытки, обманул, таким образом, вполне данную ему от меня доверенность. Вследствие сего я прошу Вас принять на себя труд преследовать по за-

конам г. Кишинского в порядке гражданского или уголовного судопроизводства". Было ли возбуждено уголовное дело в отношении Кишинского, до настоящего времени остаётся неизвестным.

Кишенский в романе Лескова "На ножах" сумел остаться в тени, уголовному преследованию и суду Божьему подверглись другие его сообщники и жертвы.

Явную оппозицию тёмным силам составили любимые герои Лескова, исповедующие христианские идеалы любви, милосердия, деятельного добра: праведница Александра Ивановна Синтянина, "испанский дворянин" Андрей Подозёров, отец Евангел. Как скрытую оппозицию тёмному, безлюбивому, безбожному миру в архитектонике "На ножах" можно рассматривать тургеневское творчество, которое, по впечатлению М.Е. Салтыкова-Щедрина, наполняют "прозрачные, будто сотканые из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом"¹⁴.

Текстуальные связи романа Лескова "На ножах" и творчества Тургенева свидетельствуют о глубоком проникновении художников слова в истинную сущность изображаемого; помогают понять, как сквозь зеркальную призму тургеневского и лесковского творчества проступает неисчерпаемая сложность жизни, как "мимотекущий лик земной" соотносится с вечным, непреходящим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лесков Н. С. Собр. соч. в 11 тт. М., ГИХЛ, 1956 – 1958. Т. 11. С. 12. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, а страницы – арабской.

² Вестник литературы. 1920, № 7. С. 6.

³ Амфитеатров А. В. Собр. соч. СПб, б/г. Т. XII.

⁴ Журнальное обозрение // Дело. – 1871. – № 1. – С. 93.

⁵ Лесков Н. С. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 9. М., ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. С. 763.

⁶ Христианская жизнь по Добротолюбию. – М.: Свято-Данилов монастырь, 1991. – С. 121.

⁷ Св. Иоанн Лествичник. Лествица. – СПб.: Фонд «Благовест», 1996. С. 156.

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Сочинения в 15 тт. Т. 8. М.-Л., Наука, 1964. С. 248.

⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. – Т. XVIII. – М.: Гослитиздат, 1939. С. 143 – 144.

¹⁰ Лесков Н.С. О русских именах // Новости и Биржевая газета. – 1883. – № 245.

¹¹ Лесков Н. С. Календарь графа Толстого // Русское богатство. 1887, № 2. С. 196.

¹² Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятам. В 2-х тт. М., Худ. лит. 1984. Т. 1. С. 372.

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Письма в 13 тт. Т. 5. М.-Л., АН СССР, 1963. С. 310.

¹⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. – Т. XVIII. – М.: Гослитиздат, 1939. – С. 144.